

УДК 159.1

doi: 10.15330/ps.7.1.208-215

**Александр Бреусенко-Кузнецов**

Национальный технический университет Украины «Киевский  
политехнический институт имени И. И. Сикорского»  
br.kuznetsov@gmail.com

**ПАТОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ В ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЯХ  
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МЕТАФИЗИЧЕСКОЙ  
ТРАДИЦИИ В ПСИХОЛОГИИ**

*Статья посвящена проблеме восстановления искусственно прерванной метафизической традиции в отечественной персонологии. Данная проблема принадлежит областям истории психологии и психологии личности, но имеет выходы и в предметные области многих других психологических наук, в частности – клинической психологии. Указана важность соотношения персонологических концептуализаций учёных-метафизиков с клинической практикой в процессе их опытной верификации. Проведена реконструкция и анализ взглядов на психопатологию и психотерапию представителей метафизической традиции в отечественной психологии личности. Согласно данным взглядам, суть патологии личности – в её уклонении от своего назначения, от подлинного бытия ради неподлинных, онтологически неоправданных форм жизнедеятельности.*

**Ключевые слова:** теории личности, метафизика, психопатология.

**Вступление.** Проблема, в русле разрешения которой написана статья, состоит в необходимости восстановления искусственно прерванной метафизической традиции в отечественной персонологии. Данная проблема лежит преимущественно в областях истории психологии и психологии личности, но имеет выходы и в предметные области многих других психологических наук, в частности – клинической психологии. Последнее не удивительно, ведь современные представления о строении теорий личности предполагают наличие в их составе таких компонентов, как «психопатология», «психическое здоровье» (типичные критерии) и «психотерапия» [2; 12]. Такое положение, без сомнения, сложилось под влиянием известных западных теорий личности, принадлежащих к клинически-ориентированным направлениям (психоанализ, аналитическая психология, психодрама, гештальттерапия, экзистенциальная психология и др.). Заметим, что именно в данных направлениях – в отличие от прочно завязанной на позитивизм экспериментально-ориентированной традиции – практически реализован методологический плюрализм, в рамках которого в психологию вернулась отрицаемая позитивизмом метафизика.

**Анализ последних исследований проблемы.** В отличие от западной метафизической традиции, воплотившейся в клиническую практику и через неё утвердившей своё право служить фундаментом научных теоретических знаний, отечественная метафизика своеговременного клинического применения не получила, чему, собственно, и обязана не-включением своего персонологического наследия в современный научный обиход.

Современными учёными – Г. А. Баллом, С. А. Зайцевой, З. С. Карпенко, В. М. Летцевым, А. Б. Михалёвой, В. В. Рыбалкой, С. Ю. Санкевич, О. Е. Серовой и др. сделано многое для возвращения наследия отдельных представителей метафизической традиции в отечественной персонологии. Однако, о возрождении традиции в целом говорить рано. Пока что она живёт лишь в историко-психологической ретроспективе, а в логике построения современного научного знания полноценно не соучаствует.

**Формулирование цели и задач статьи.** Сегодня теории личности, принадлежащие к отечественной метафизической традиции, требуют реконструкции. Ей, в частности, важно подвергнуть те их стороны, которые могут найти технологическое воплощение в клинической практике. Именно через неё следует ожидать опытной верификации теоретических построений такого типа.

Итак, нашу задачу в данной статье составит реконструкция и анализ взглядов на психопатологию и психотерапию представителей метафизической традиции в отечественной психологии личности (П. С. Авсенёва, М. М. Бахтина, И. А. Ильина, Л. П. Карсавина, С. А. Левицкого, Л. М. Лопатина, Н. О. Лосского, П. И. Новгородцева, В. В. Розанова, В. С. Соловьёва, П. А. Флоренского и др.).

**Изложение основного материала.** П. С. Авсенёв, не будучи врачом души в клиническом смысле, получил статус её духовного пастыря, что и определило направленность его взглядов на *патологию личности* в контексте лекций о *болезнях, сне и лунатизме*. «По его понятиям, та жестокая болезнь /сумасшествие/ есть в руках промысла Божия страшная, но спасительная мера к врачеванию души от язвы греха. Большею частью сильные страсти, в особенности страсть гордости, повергают человека в сумасшествие. Но случалось от сумасшествия многим выздоравливать. И что замечали в них? Замечали людей совершенно изменившихся к лучшему в духовном отношении, людей, сделавшихся глубоко благочестивыми и нравственными», – вспоминал его бывший студент, Н. Флоринский (цит. по [9, с. 181]). Данные смелые предположения относительно сути психозов не покажутся столь уж беспочвенными, если отличать от психотической патологии явления *духовного кризиса*, которые могут иметь сходную с нею симптоматику – и вполне подводятся под модель «врачевания души от язвы греха».

По Л. М. Лопатину, *патология личности* не отменяет творческой свободы, имманентной человеческому духу. Ибо что, как не свобода самопроявления движет сумасшедшими в их эксцентричных выходках?

У В. С. Соловьёва *патология личности* соответствует «проклятым» путям выхода из кризиса, и предполагает *отпадение человека в своей реальности от всеединства*, от божественной субстанциальной и идеальной основ. Зло и страдание как симптоматика этой патологии, «имеют внутреннее, субъективное значение, они существуют в нас и для нас, т. е. в каждом существе и для него. Они суть *состояния* индивидуального существа: а

именно, зло есть напряжённое состояние его воли, утверждающей исключительно себя и отрицающей всё другое, а страдание есть необходимая реакция другого против такой воли, реакция, которой самоутверждающееся существо подпадает невольно и неизбежно и которую оно ощущает как страдание. Таким образом, страдание, составляющее один из характеристических признаков природного бытия, является лишь как необходимое следствие нравственного зла» [9, с. 182]. *Психотерапия*, в логике В. С. Соловьёва, состоит в обращении личности к воссоединению со всеединой основой, к позитивной свободе в кризисе духовного самоопределения.

Для В. В. Розанова *типология личности и сексуальная патология личности* образуют единое поле исследования, имеющее выход и в религиозную проблематику. Используя для выделения типов личности свою примерную «шкалу пола», В. В. Розанов говорит о таких типах пола: 1) *истинные самцы (самки)*, обладающие повышенной страстью к противоположному полу; 2) люди, в которых пол говорит с *умеренностью* – лучшие семьянины; 3) *линия безразличия* в поле, в которой ни мужское, ни женское начало не получает перевеса – характеризуются аскетизмом, безразличием, либо даже отвращением к половому акту; 4) *урнинги* – «люди лунного света», содомиты, склонные к самоотрицанию пола в функции размножения; они часто борются со своими влечениями, не признаваясь в гомосексуальных наклонностях.

По П. И. Новгородцеву, *патология развития* – личности, общества – так или иначе, связана с утопическим сознанием, руководствуясь которым, заходишь в тупик, вернуться из которого на стезю развития можно с крушением утопии. В очарованности утопией человек ведёт себя морально ущербно, не осознавая той логики саморазрушения, которой он следует; в революционной деятельности эта ведущая к деструкции суженность утопического сознания особенно очевидна.

В понимании И. А. Ильина, *психотерапия* суть исцеление душевных ран личности на пути *приобщения* к духовному опыту и его *очищения* от чужеродных примесей. Показание к исцелению души образует ситуация противостояния злу силою. Меры по духовной реабилитации личности, вступившей в физическое противостояние агентам злой силы, исходят из базового соображения: «Тот, кто сопротивляется злодеям силою и мечом, – тот должен быть *чище и выше своей борьбы*: иначе не он поведёт её и не он завершит её победою, а она увлечёт его, исказит его обличие и извергнет его, сломленного, униженного и порочного» [4, с. 130]. Роль психотерапевта, целителя при раненой душе воина, по И. А. Ильину, принадлежит его духовнику, человеку духовного звания. Религиозно-нравственное очищение необходимо в ряде моментов борьбы со злом:

- *перед началом* борьбы – чтобы *утвердиться в духовной любви как главном источнике* сопротивления злу;
- *в период* борьбы – чтобы верно *различать подлинное зло от мнимого*, верно видеть его цели и средства и определять меры сопротивления;

- *после выхода* из борьбы – чтобы *обезвредить* и погасить в себе *следы заразы* (ненависти, зложелательства, коварства);
- *в последующий после борьбы период* – чтобы избавить душу от очерствения, связанного с восприятием зла и всеми видами пресечения.

У Н. О. Лосского *патологией* развития субстанциальных деятелей, их главным грехом, становится эгоизм: «Эгоизм отделяет нас от Бога, поскольку мы ставим перед собой цели, несовместимые с Божией волей, – что мир должен быть совершенным. Точно таким же образом эгоизм отделяет деятеля в большей или меньшей степени от других деятелей: его цели и действия не могут быть согласованы с действиями других существ и часто ведут к враждебности и взаимной противоположности. В пространственных телах эгоистических существ совершаются процессы взаимного отталкивания, создающие сравнительно непроницаемую массу; иными словами, они являются материальными телами» [7, с. 334]. Материализуя события, творимые деятелем, эгоизм отрицательно влияет и на саму его творческую силу: «Творческая сила эгоистически настроенного субстанциального деятеля умалена, так как она не сочетается гармонически с силой Бога и силой других существ. Деятель утрачивает в большей или меньшей степени свою положительную свободу (т. е. удаляется от безграничной мощи творчества), хотя и сохраняет формальную свободу, т. е. способность изменить своё поведение» [8, с. 61].

П. А. Флоренский соотносит *патологию личности* с утратой имени как главным его моментом: «Расстройство личности нередко сопровождается утратой именем его сосредоточенного места. Элементы личной жизни ослабляют свои связи с именем, стремясь каждый к самостоятельности. Личность распадается и разлагается, причём имя перестаёт быть ясно сознаваемым коренным сказуемым Я, перестаёт быть идеальной формой всего содержания личной жизни. Я начинает предсцироваться случайными отдельными состояниями, соревнующимися между собой и борющимися за присвоение себе основной функции имени. Теперь уже имя не покрывает сполна своего подлежащего – Я, но это последнее предсцируется и тем, и другим, и третьим, но ничем определённым и устойчивым. Многими лжеименами пытается назвать себя раздирающееся между ними Я, а настоящее имя делается одним среди многих, случайным и внешним придатком. Настоящее имя сознаётся как нечто внешнее личности, извне внедрённое в её жизнь, могущее быть, как начинает *казаться* личности, произвольно заменённым и даже вовсе снятым. Наконец, при дальнейшем расстройстве личности, оно вовсе утрачивается, но вместе с ним утрачивается и непрерывность самосознания. Если Я предсцируется, при этом очевидно под каким-то новым углом или с какой-то частной стороны, новым именем, то в связи с ним образуется и новая, самостоятельно от прошлой протекающая, полоса самосознания; но это – другая личность, может быть, некоторый поразительный психический комплекс, завладевший данным организмом и провозгласивший себя личностью, может быть одержавшее данный организм постороннее существо,

но во всяком случае это не есть то, забвенное самосознание. Оно пришло вместе с именем. Мыслим, наконец, распад ещё более глубокий: когда вообще утрачивается какое бы то ни было устойчивое имя, и Я проявляет себя постоянно сменяющимися и крайне неустойчивыми суррогатами имён. Это – угасающее самосознание ... А далее последует и полный мрак самозабвения и самоутраты, когда нет и мгновенных словесных сгустков, наполняющих имя» [11, с. 49].

Л. П. Карсавиным *патология личности* рассматривается в терминах *несовершенства, греха, вины и кары*. «Несовершенство личности заключается, как мы знаем, в преобладании разъединённости над единством и в недостаточности самого разъединения» [5, с. 64]. *Несовершенство личности* связано с её тварностью, но не тождественно тварности. Несовершенство твари есть не тварность сама по себе, но её *грех* – т. е. «свободное избрание ею своего несовершенства и свободное обладание им» [5, с. 16]. По карсавинской мысли, «тварь могла по зову Божьему самовозникнуть из небытия, через самоотдачу ей Бога стать на Его место, чтобы через её самоотдачу Ему и её пакинебытие Он снова был и она сопричастовала Его самовоскресению. Но она могла и не ответить на Божий призыв» [5, с. 203]. Грех твари состоит в том, что она «хочет быть в себе и для себя, самоутверждаться без самоотдачи, она так хочет быть Богом, чтобы Богом не быть. Это внутренне противоречиво, невозможно, даже невысказано. Это равно нехотению бытия и небытия, полному отказу ответить на зов Божий» [5, с. 204]. Л. П. Карсавин различает грех-вину и грех-кару. *Грехом-виной* становится недостаточное хотение тварью Богобытия, бытия и совершенства; *грехом-карой* – «осуществлённость этого хотения, т. е. непреодолимое несовершенство и непреодолимость несовершенства» [5, с. 205-206]. Грехи предполагают «частичное единство» и ведут к конфликту в личности. Греховность как патологическое несовершенство бытия человека ведёт его не к смерти, а к навязчивому умиранию, к *дурной бесконечности умирания*. Если *совершенная* личность «есть» и «не есть» – в своей жизни через смерть, то *несовершенная* и не «есть», и не «не есть» (она – «не то ни сё», полуживое-полумёртвое); она не воскресает, поскольку не умирает полностью, не приходит к полному небытию, её смерть – лишь «надрыв».

По Вяч. Иванову, *патология развития личности* в мистическом опыте следует из *неверного отношения «я» к происходящим в личности духовным трансформациям*. Варианты этого отношения таковы:

- *«желание сохранить душу свою»*, которое её и губит, ибо закрепощение Психеи сознательным началом личности «убивает её вдохновенный почин»;
- *предпочтение нашим «я» богопротивления богосыновству*, личного отъединения сверхличному изволению – от какового «демонического самоопределения» зависит «одержание» Психеи, её пагубное неистовство;
- *отвращение от сверхличного начала*, каковое «уклоняет волю мужеского я к его периферии, где освобождающаяся Психея встречает

его в образе враждебного преследователя или коварного соблазнителья» [3, с. 93].

С. А. Левицким *патология личности* раскрыта и по отношению к частным проблемам личностной динамики, и как мировоззренческая «патология свободы». Патологично в жизни человека предание себя низшему, отказ от сублимации на каждом из трёх уровней («оно», «я», «сверх-я»). В сфере «оно» патологическую форму *одержимости гордыней* часто приобретает стремление к утверждению своего «я». Формы самоутверждения носят *агрессивный* или *дефенсивный* характер, выражаются в самовозвеличивании или самоуничижении.

В области *сознания «мы»* к патологии «относятся те фактически весьма многочисленные случаи, когда «мы» вытесняет «я» (поглощение личности коллективом) и когда личность отрывается от общества (гордый индивидуализм)» [6, с. 183]. Социализм и либерализм, эксплуатируя эти крайности, выхолащивают свободу личности, способствуют её односторонности. «Односторонне развитой личности грозит опасность отъединения, невольно воспринимаемого как «грех». «Интеллектуалы» всегда носят в себе это полумистическое чувство вины за отрыв от «духа земли». И недаром некоторые из них, стремясь наладить контакт с «коллективным подсознанием», склоняются к тоталитаризму» [6, с. 183].

Патология *сверхсознания* составляет проявления в жизни личности «аримановского» и «люциферовского» начал; этот род патологии составляет основу мировоззренческой «патологии свободы»:

- искажение свободы *страхом* – в *сознании вероятности потери ценности*, с которой личность привыкла *отождествлять саму себя*;
- *идололатрия (обожествление)* свободы, нарушающее естественную иерархию.

У М. М. Бахтина *патология личности* предстаёт в попытках избежать ответственности, выдвинуть «алиби» в бытии, существовать не в мире «бытия-события», а в абстрактном «теоретическом» и «эстетическом» мирах.

*Эстетический мир* таков, что в нём «можно жить», но живут в нём «другие, а не я», «я» может лишь *играть роль* в этой эстетической игре, к тому же «в действительной жизни остаётся эстетическая ответственность актёра и целого человека за уместность игры, ибо вся игра в целом есть ответственный поступок его – играющего, а не изображаемого лица – героя; весь эстетический мир в целом лишь момент бытия события»... [1, с. 24]. Ссылки на вдохновение для оправдания безответственности не оправдывают художника, ведь, как замечает М. М. Бахтин в «Искусстве и ответственности», «вдохновенье, которое игнорирует жизнь и само игнорируется жизнью, не вдохновенье, а одержание» [1, с. 4].

**Выводы.** Отечественные теоретики личности из метафизической традиции психологической помощью профессионально не занимались, но в их теориях есть аспекты психопатологии и психотерапии. Они обращались к проблеме психозов (П. С. Авсенёв, Л. П. Лопатин), сексуальных девиаций и

сектанства (В. В. Розанов), утопического сознания (П. И. Новгородцев), состояний смыслоутраты. *Суть патологии личности – в её уклонении от своего назначения, от подлинного бытия ради неподлинных, онтологически не оправданных форм жизнедеятельности.* Так, у В. С. Соловьёва *патология личности* предполагает «отпадение человека в своей реальности от всеединства», от божественной субстанциальной и идеальной основ; Л. П. Карсавиным она рассматривается в терминах «несовершенства», «греха», «вины» и «кары», описывающих отъединённость от Божественного бытия как следствие недостатка стремления к оному; Н. О. Лосским выводится из «эгоизма» как главного греха субстанциальных деятелей; П. А. Флоренским соотносится с «утратой имени»; В. В. Розановым – с противоестественными формами аскетизма; С. А. Левицким раскрыта и как мировоззренческая «патология свободы», и на уровне личностной динамики – как отказ от сублимации; Вяч. Ивановым выводится из «неверного отношения «я» к происходящим в личности духовным трансформациям»; П. И. Новгородцевым связывается с «утопическим сознанием»; у М. М. Бахтина предстаёт в попытках избежать ответственности, выдвинуть «алиби» в бытии, существовать не в мире «бытия-события», а в абстрактном «теоретическом» и «эстетическом» мирах. *Психотерапия патологий личностного развития* видится отечественными авторами метафизических теорий в религиозном ключе: парадоксальным образом, психотическая патология личности («сумасшествие») в ряде персоналистических теорий наделяется психотерапевтической функцией.

1. Бахтин М. М. Работы 1920-х годов / М. М. Бахтин. – К. : Next, 1994. – 384 с.
2. Бреусенко-Кузнецов А. А. Теории личности: зарубежный опыт теоретизации. Курс лекций / А. А. Бреусенко-Кузнецов. – К. : Миллениум, 2008. – 442 с.
3. Иванов В. И. Родное и вселенское / В. И. Иванов. – М. : Республика, 1994. – 428 с.
4. Ильин И. А. Путь к очевидности / И. А. Ильин. – М.: Республика, 1993. – 431 с.
5. Карсавин Л. П. Религиозно-философские сочинения / Л. П. Карсавин. Т.1. – М. : Ренессанс, 1992. – 325 с.
6. Левицкий С. А. Трагедия свободы / С. А. Левицкий. – М. : Канон, 1995. – 512 с.
7. Лосский Н. О. История русской философии / Н. О. Лосский. – М. : Высшая школа, 1991. – 559 с.
8. Лосский Н. О. Условия абсолютного добра / Н. О. Лосский. – М. : Политиздат, 1991. – 368 с.
9. Макаров А. Киевская старина в лицах. XIX век / А. Макаров. – К. : Довіра, 2004. – 878 с.
10. Соловьёв В. С. Чтения о Богочеловечестве / В. С. Соловьёв. – СПб. : Узд. Группа «Азбука-классика», 2010. – 384 с.
11. Флоренский П. А. Имена / П. А. Флоренский. – Х. : Фолио; М.: АСТ, 2000. – 442 с.
12. Хьелл Л. Теории личности / Л. Хьелл, Д. Зиглер. – СПб. : Питер Пресс, 1997. – 608 с.

#### REFERENCES

1. Bakhtin, M. M. (1994). Raboty 1920-h godov [Works of the 1920s]. K.: Next (rus).
2. Breusenko-Kuznetsov, A. A. (2008). Teoriji lichnosti: zarubezhnyi opyt teoretizatsiji. Kurs lektsiy [Theories of the personality: foreign experience of theorization. A course of lectures]. K.: Millenium (rus).
3. Ivanov, V. I. (1994). Rodnoe i vselenskoe [Native and universal]. M.: Respublika (rus).
4. Ilyin, I. A. (1993). Put k ochevidnosti [A way to evidence]. M.: Respublika (rus).

5. *Karsavin, L. P.* (1992). Religiozno-filosofskie sochineniya [Religious and philosophical compositions]. T. I. M.: Renessans (rus).
6. *Levitsky, S. A.* (1995). Tragediya svobody [Tragedy of freedom]. M.: Kanon (rus).
7. *Losskiy, N. O.* (1991). Istoriya russkoy filosofii [The history of Russian philosophy]. M.: Vysshaja shkola (rus).
8. *Losskiy, N. O.* Usloviya absolyutnogo dobra [Conditions of absolute Goods]. M.: Politizdat (rus).
9. *Makarov, A.* (2004). Kievskaya starina v litsah. XIX vek [The Kiev old times in persons. The XIXth century]. K.: Dovira (rus).
10. *Solovyev, V. S.* (2010). Chteniya o Bogochelovechestve [Readings about Godhumanity]. SPb.: Izd. Gruppy «Azбуka-klassika» (rus).
11. *Florenskiy, P. A.* (2000). Imena [Names]. H.: Folio; M.: AST (rus).
12. *Hiell, L., Zigler, D.* (1997). Teoriji lichnosti [Theories of personality]. SPb.: Piter Press (rus).

**Alexander Breusenko-Kuznetsov**

**PATHOLOGY OF PERSONALITY IN THEORETICAL CONSTRUCTIONS BY REPRESENTATIVES OF DOMESTIC METAPHYSICAL TRADITION IN PSYCHOLOGY**

*The article is devoted to the problem of restoration of artificially interrupted metaphysical tradition in domestic personology. The given problem belongs to the areas of history of psychology and psychology of personality, but provides outcomes in subject matter of many other psychological sciences, in clinical psychology in particular. Importance of correlation between personological conceptualizations of scientists-metaphysicists and clinical practice in the process of their skilled verification is pointed out. The reconstruction and analysis of views at psychopathology and psychotherapy by representatives of metaphysical tradition in domestic psychology of personality have been made. According to the mentioned views, the essence of pathology of personality is in its evasion from the purpose, from original life for the sake of not original, ontologically unjustified forms of ability to live.*

**Keywords:** *theories of personality, metaphysics, psychopathology*

УДК 37.011.3 - 051:159.923.2

doi: 10.15330/ps.7.1.215-223

**Тетяна Пільгук**

Полтавський національний педагогічний університет імені В. Г. Короленка,  
380667446879@yandex.ua

**ТВОРЧА КОМПЕТЕНТНІСТЬ МОЛОДОГО ВЧИТЕЛЯ ЯК ФАКТОР ПРОФЕСІЙНОГО СТАНОВЛЕННЯ**

*У статті розкрито психологічний аналіз проблеми розвитку творчої компетентності молодого вчителя. Науково обґрунтовано поняття творчої компетентності вчителя-початківця. Під творчою компетентністю розуміється найвищий рівень розвитку професійної компетентності, коли особистість здійснює професійну діяльність на творчій основі стабільно і безперервно. Розглянуто напрацювання вчених в галузі дослідження психологічних механізмів творчості, проблем професійного становлення, майстерності та професіоналізму. Визначено провідні*